

**Г.П. ХРИСТОВА,  
С.Н. РЕВНЕВА**  
**КАЛЕНДАРНЫЕ ПРАЗДНИКИ И ОБРЯДЫ  
ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ**

Заселение территории Воронежской области происходило в течение длительного времени. Главными факторами в формировании постоянного населения края послужили переселенческие процессы, начавшиеся с XVI века в связи с необходимостью укрепления и расширения границ Российского государства.

Территорию области, охватывающую довольно большое географическое пространство, в разное время постепенно осваивали выходцы из других регионов России, которые на новых местах проживания продолжали следовать своим хозяйственным и культурным традициям. Таким образом, сложился самобытный облик традиционной культуры Воронежского края, представленный большим разнообразием местных вариантов народных обычаев, обрядовых действий, музыкального фольклора.

В современных границах Воронежской области выделяются несколько локальных традиций, связанных с историей их заселения. Освоение северо-западной части области связано с укреплением южных рубежей Российского государства и строительством Белгородской засечной черты (конец XVI – начало XVII вв.) Массовое заселение центральных районов осуществлялось на столетие позже и связано с петровскими реформами и строительством русского флота, хотя отдельные населённые пункты существовали здесь и ранее и принадлежали крупным монастырям. Большая часть юга Воронежской области была заселена в результате миграционных потоков с Украины, и здесь преобладает украинское население. Восточные районы находились на границе с территорией Войска Донского и испытали влияние казачьей культуры. Каждая из локальных традиций обладает определенным стилевым единством, но в то же время их современное состояние демонстрирует стирание различий и взаимопроникновение обычаев разных регионов.

Календарно-земледельческий цикл Воронежской области обнаруживает неравномерную сохранность. Наибольшему разрушению подвергся пласт музыкально-обрядового фольклора, тогда как устная информация об обрядах достаточно хорошо сохранилась в памяти старшего поколения, некоторые обрядовые действия совершаются в селах до настоящего времени (напр., обход дворов во время Святки, колядование, возжигание костров, выпечка обрядового печенья, украшение домов зеленью на Троицу и др.). Система обрядовых действий, включенная в земледельческий календарь Воронежской области представлена как общерусскими обычаями, так и специфичными, характерными для южнорусской территории.

В Воронежской области начало нового года, нового земледельческого цикла в народном сознании связывается с **зимними святками** – двухнедельным праздничным периодом от Рождества до Крещения, заполненным различными обрядовыми действиями как языческого, так и христианского смысла. Восприятие официально установленного празднования Нового года как начала нового аграрного цикла, вероятно, объясняется относительно поздним формированием населения края.

Святочные обряды воронежских сел содержат традиционные для подобных ритуалов восточных славян компоненты: поздравительные обходы дворов, колядование, ряжение, магические действия с зерном и хлебом, поминальные обряды, гадания, обрядовую еду, кулачные бои. Основная цель совершения тех или иных ритуальных действий заключалась в стремлении активно воздействовать на природу с целью получения хорошего урожая, благополучия людей.

Обязательным обрядовым действием на Святки, сохранившимся до настоящего времени во многих селах, является ритуальный обход дворов с исполнением (пением или приговариванием) специальных обрядовых текстов. Обходы дворов в период Святки

совершались несколько раз: накануне Рождества, утром в день Рождества, вечером под Новый год и утром Нового года. Л. Виноградова раскрывает «первоначальный смысл ритуального зимнего обхода как инсценирования прихода духов из «иног мира» с целью получения специальной обрядовой пищи».<sup>1</sup>

Обходы дворов начинались накануне Рождества. Самым распространенным сценарием был обход дворов детьми или молодежью (эти возрастные группы не смешивались) с пением *калядок*. Следствием исполнения этих песен должно быть обязательное одаривание колядующих (пирогоми, деньгами) или угощение их: считали что, от меры угощения зависела степень будущего благополучия семьи. В случае отказа или недостаточного одаривания колядующие могли произносить угрозы и даже выполнить их, например, могли сломать ворота, унести курёнка, и т. п. Колядовщики могли исполнить хозяевам песни корильного содержания, после исполнения которых не прибавить угощения колядующим было просто невозможно:

*Ва дваре паставим сошку,  
Привяжем дохлую кошку,  
Кошка ваня, за вами ганя* (с. Коротояк Острогожского района).

Во многих селах поздравительные обходы получили название «славить Христа», в этих случаях вместо *калядок* исполнялся церковный Рождественский тропарь «Рождество твое, Христе Боже наш», или другие тексты с христианским содержанием, так называемые «христославия». Эта группа поздравительных песен появилась и широко распространилась в сёлах под влиянием христианских сюжетов. В содержание текстов включены образы Христа, Девы Марии, Святого Василия, Ильи. В большинстве сёл христославия сосуществуют наряду с традиционными новогодними величаниями более архаичного происхождения.

В старину время группы колядующих – «партии» – всегда чётко разграничивались по возрастному признаку: дети ходили отдельно, молодёжь отдельно, иногда колядовали также и пожилые люди – вечером под Рождество (см. Репьевский район, Таловский район), позднее такая дифференциация почти исчезла. В северных районах области широко распространён обычай обхода дворов на Рождество и Новый год пастухом. В селах Верхнехавского, Рамонского районов рано утром пастухи «ходили колядовать» – посеивали зерном хозяев, скотину, приговаривая:

*На тысячу овец, на тысячу ягнят!  
Ягнятки гладки, хвосты по пятки,  
Прыгают по лавкам* (с. Верхняя Луговатка Верхнехавского района).

В.И. Чичеров отмечает, что подобный обряд фиксирует обычай Белоруссии или Украины, или русских районов, испытавших украинское и белорусское влияния. Повсеместно обходы дворов совершались и в праздник Нового года. Они происходили по сценарию рождественских обходов, при этом исполнение обрядовых песен называлось *кликать* или *кричать Авсень*. Сюжеты рождественских *калядок* и новогодних *авсений* могли совпадать, различаясь только рефренами: *коляда* или *авсень*, а иногда даже сочетались в одном тексте:

*«Авсень-каляда, на праулочку, закаулочку...»* (с. Солдатское Острогожского района).

В селах с украинским населением вечером при обходах 13 января исполнялись другие разновидности *калядных* песен: *щедровки* – поздравительные песни с рефреном «*щедрый вечер, добрый вечер*» и *меланки*, в которых упоминается имя святой Маланьи.

Утром Нового года мальчишками (реже девочками) совершался обряд «посевания», во время которого они посыпали избы и хозяев зерном со словами: «*Сею-вею, посеваю, с Новым годам паздравляю...*».

Весь песенный репертуар, сопровождающий обходы дворов в селах Воронежской области представлен разнообразными формами: *калядки*, *авсени*, *христославия*, *щедровки*,

<sup>1</sup> Виноградова Л. Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян: Генезис и типология колядования. – М., 1982. – С. 231.

*меланки, тороханья, посеванья*. Экспедиционные материалы показывают, что песни не были строго закреплены ни по времени исполнения, ни по половозрастному признаку. На Рождество и на Новый год могли исполняться одни и те же песни. Исследователи отмечали: «В большинстве местностей русское население не разделяло песен соответственно их названиям по праздникам (к Рождеству, к Новому году, к Крещению); это отличает восприятие русскими своей новогодней поэзии от восприятия ее, например, украинцами, у которых колядка определяется как рождественская песнь, щедровка как новогодняя. Русские сохранили рождественско-крещенские обряды, как целостный цикл, относимый ко всему новогоднему периоду, а не как раздробленные детали, приуроченные в одних случаях к христианскому празднику рождения Христа, а в других – к календарной дате Нового года [...]. В этом отразилась старая традиция счета времени по периодам, а не по дням календаря».<sup>2</sup> В селах, где преобладает украинское население, действительно обнаруживается более стойкое закрепление обрядовых песен: украинские колядки пелись только на Рождество, на Новый год – *щедровки, меланки*.

После колядования обычно усаживали детей (колядовщиков) на порог дома, заставляли их «квохтать» – *«итобы куры лутше неслись»*. Этот обряд очень распространен во многих районах области и выполняет продуцирующую функцию, он совершается с целью обеспечения благополучия, плодovitости домашнего скота и птицы.

Другим значимым компонентом святочного календарного комплекса являются поминальные обряды. В.Я. Пропп отмечал: «поминование усопших в разных формах есть один из постоянных элементов аграрных обрядов, празднеств».<sup>3</sup> В Воронежской области на Рождество, Новый год и на Крещение существовал обряд поминования усопших в форме возжигания ритуальных костров. Чаще всего для таких костров использовали солому (в некоторых местах – шкуру поросёнка), место выбирали на улице, или на огороде. Называли этот обряд в селах по-разному – *«обогревали своих родителей»*, *«поминали родителей»*, *«Христа обогревали»*, *«Христа встречали»*. Подробно этот южнорусский обычай описал Д.К. Зеленин, используя воронежские записи XIX века: «Совершается он здесь вечером под Новый год и под Крещение: село освещается «пламенем костров – то любящие потомки отогревают замёрзшие в крещенские морозы кости «родителей». <...> пылают костры чуть не на каждом дворе: то жгут навоз и солому для обогрева умерших».<sup>4</sup>

Не менее важным компонентом поминальной обрядности этого периода является рождественский ужин, который представляет собой поминальный стол. Одним из обязательных блюд была кутья, ее готовили из зерен злаков, смешивая с сухими ягодами. Ягоды, как и зерно, имеют символику постоянного возрождения жизни, поэтому очень важно было употребление такой еды в наступающем новом году для земледельцев. Кутью ставили в красный угол, носили по дворам колядовщики – угощали хозяев. Широкое распространение в качестве святочных блюд имели также блины, оладьи, пышки.

Время зимних святок является особым периодом для человека, эти дни он связывал со всем последующим временем года, а потому стремился узнать будущее посредством примет и гаданий. В этот период людей волновали две важнейшие темы: тема ожидаемого урожая и тема личной жизни, судьбы человека, его брачного союза. Святочные гадания представлены отдельными действиями, которые повторяются на протяжении всех рождественско-крещенских дней, и не связаны с другими обрядами зимнего периода.

Обычно гадания характеризуются простейшим набором элементов – используемые предметы, символика, место, время. Их сочетаемость свойственна не только для зимнего периода, но и используется в любое время года. Так, например, на Святки повсеместно распространён обычай бросать предметы через ворота (куда валенок носом упадёт, оттуда и жениха ждать), аналогичное происходит летом на Троицу (девушки бросают венки в

<sup>2</sup> Чичеров В.И. Зимний период русского земледельческого календаря XVI – XIX веков. – М., 1957. с. 8.

<sup>3</sup> Пропп В.Я. Русские аграрные праздники. – С-Пб., 1995. – С.25.

<sup>4</sup> Зеленин Д.К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1901 – 1913. – М., 1994. – С. 178.

воду). Отличие таких гаданий состоит лишь в материале, который используется для предсказания. Предметы, используемые в зимних гаданиях, весной и летом обычно заменяются растением, что естественно происходит с наступлением тепла и буйным цветением растительности.

До настоящего времени сохранились в активной форме многие виды гаданий: по внешнему виду отмеченного кола на заборе (какой кол, такой будет и муж: кривой, стройный, богатый); по поведению собаки (приговаривали: *«Сею, вею беленький снежок, где сабачка забрешет, там мой женишок»*), курицы/ петуха (по предмету (вода, зерно, зеркало), к которому подойдет птица) судили о характере мужа. Распространены обычаи «выстраивания» колодца, чтобы во сне пришёл суженый, посыпания овса к дверям с приговорами: *«Суженый-ряженный приходи ко мне косить, а я буду вязать»*. Разновидностью гаданий было подслушивание имени жениха, гадание с зеркалом. Гадали на снегу: делали *«майнаки»* – падали на снег так, чтобы остался след, а на утро смотрели, *«если «майнак» иссеченый, значит муж будет корявый и драчливый»*.

Гадания с исполнением специальных обрядовых песен, по-видимому, были очень распространены во многих воронежских селах. Об этом свидетельствуют опубликованные в «Воронежских губернских ведомостях» 1895 г. многочисленные тексты «подблюдных», записанные в Воронежской губернии. После исполнения текста, по которому представлялось будущее, обязательно звучала «Слава!», подразумевающая прославление хлеба, как источника благополучия. Словесные повторы «кому вынется, тому сбудется» выступает в подблюдных гаданиях заговорной формулой, выражающей активное воздействие на окружающий мир. В стремлении повлиять на будущее состояние семьи и хозяйства эти песни сближаются с колядками.

Одним из архаичных элементов святочной обрядности является ряжение, которое связано с поздравительными обходами дворов, игрищами и забавами, устраиваемыми на Святки. В основе обычая ряжения и маскирования – идея перевоплощения человека в иное существо. Такое перевоплощение осуществляло магическое воздействие на стихийные силы. Суть ряжения исследователи определяют как смеховую игру с сакральными ценностями в обряде, как игровое выражение мифопоэтических представлений, связанных в частности с мифологическими оппозициями: мужское-женское, свой-чужой, молодой-старый. Ряжение, по мнению исследователей, выступало в качестве специфического языка общения с потусторонним миром.

В обычаях ряжения по воронежскому краю доминируют три смысловых мотива. Один из них, представленный ряжением в диких и домашних животных, по-видимому, принадлежит к наиболее древним и в своих истоках восходит к тотемическим воззрениям славян. Сведения о ряжении в животных встречаются в единичных записях (Рамонский, Каменский р-ны), среди персонажей называют медведя, козу, либо не конкретизируют: *«наряжались разными зверьми»* (с. Татарино Каменский р-н).

Языческим мировосприятием рождён и второй мотив святочного ряжения – мотив плодородия. Он воплощается в обрядовой перемене пола, в обычае наряжаться в вывороченные шубы. И третий мотив – перевоплощение в разного рода социальных и национальных типов – реализует в социальном аспекте оппозицию свой-чужой. В селах Воронежской области чаще всего наряжались стариками, цыганами.

Следует отметить, что обычай рядиться был распространён не только на святочной неделе, но и на Масленицу.

Во многих селах области во время Святков проходили кулачные бои. «Кулачки» организовывались чаще всего между соседними селами, либо разрозненными частями села. Участвовали в них мужчины всех возрастных групп: от подростков до стариков, женская часть села становилась зрителями. Иногда женщины озвучивали происходящее песнями, имеющими сезонную приуроченность (напр. «Зимушка-зима»).

Молодежь во время святков проводила время на посиделках, которые в этот период имели праздничный характер, на них нельзя было работать. Девушки и парни устраивали

игры, содержанием которых было соединение молодых пар. Кроме этого, на посиделки приглашали музыкантов – гармониста, балалаечника, пели, устраивали пляски.

Окончание Святков отмечали обряды и обычаи **Крещения** (6/19 января). Ритуальные действия, совершавшиеся в этот праздник, сложились под воздействием церковного обряда водосвятия. Повсеместно в Крещение в сопровождении священника совершались крестные ходы к «Ердани» – проруби, имевшей форму креста, круга или квадрата. В «Ердани» набирали воду, считали, что она становилась целебной, иногда купались. Этой же водой брызгали скотину, двор, в случае болезни ею лечили. В тех селах, где не было природного источника воды, Иорданью становились колодцы.

Перед Крещеньем на дверях домов рисовали мелом кресты: «*закрещивали злых духов*» и кружочки: «*штобы наседки садились*».

Во многих селах известен обычай в этот день выпускать голубей и стрелять вверх из ружья.

В Рамонском районе до Крещения оставляли последний немолоченный сноп и после окропления скотины святой водой, скармливали ей этот сноп, «*чтобы разговелась*».

После Крещенья наступал Мясоед – несколько недель до Масленицы, время крестьянских свадеб. Недели, предшествующие Масленице получили названия «*всеёдная*» и «*пёстрая*». «Всеёдная» – значит, в ней отсутствовали постные дни, разрешалась любая пища, а в «пёстрой» чередовались «*скаромные и постные дни*». Масленичную неделю звали «сырной», «мясопустной» – можно было употреблять молочные, сырные блюда и запрещалась мясная пища.

**Масленица** – единственный праздник крестьянского земледельческого цикла, не имевший христианского толкования. Название праздника Масленица – позднее, оно появилось потому, что в это время ели очень много масляной пищи, «блинов масляных».<sup>5</sup> По названию праздника Масленицей стали называть и антропоморфное изображение божества, которое прогоняли, хоронили; первоначальное его имя забыто.

Сочетание элементов весенней и зимней обрядности, переходный характер праздника – особенность масленичных обрядов. С приближением весны у земледельцев начинался весенний цикл обрядов, когда было необходимо готовиться к предстоящим полевым работам. «В это время исполнялись обряды, которые изгоняли, хоронили зиму – богиню мрака и смерти и встречали весну, которая несла свет, тепло и пробуждение природы».<sup>6</sup> Об этом же говорит О.А. Пашина «Масленица в календарном цикле восточных славян занимает пограничное положение между двумя сезонами – зимой и весной, что и определяет ее бифункциональность. С одной стороны она завершает период зимних ритуальных практик, с другой – открывает весенние, направленные на подготовку полевых работ»<sup>7</sup>.

По православной пасхалии, Масленица отмечается за семь недель до Пасхи и приходится на вторую половину февраля – начало марта. В это время еще преобладает зимняя погода, поэтому обряды, связанные со встречей весны, были перенесены на более позднее время, а на первый план выдвинулись проводы зимы, окончания которой ждали с нетерпением. Праздновали Масленицу с исключительным размахом, всенародно. Характерная особенность масленичного веселья заключалась в том, что в нём принимали участие все, без каких-либо половозрастных и социальных ограничений. Наибольшая активность праздника в сёлах Воронежской области начиналась с четверга, получившего название *Широкий, Разгульный*.

Повсеместно в масленичной обрядности основным и обязательным атрибутом является специальная еда – блины. В первый день блины использовались в качестве элемента поминальной обрядовой трапезы: «*первый блин клали к иконам в угол – к*

<sup>5</sup> Соколова В.К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев, белорусов. - М., 1979. – С. 11.

<sup>6</sup> там же. – С. 11.

<sup>7</sup> Пашина О.А. Календарно-песенный цикл у восточных славян. – М., 1998. – С. 221.

*родителям*». Там он должен пролежать три дня, после чего его отдавали скотине (Рамонский, Репьёвский р-н). В Семилукском районе был обычай раздавать блины.

В комплекс обрядовых действий масленичной недели входят также обычаи, связанные с брачной тематикой. «Брачные отношения несли в себе продуцирующую функцию, должны были способствовать пробуждению земли и росту культурных растений, обеспечить будущий урожай»<sup>8</sup>. В селах области было принято молодым парам ездить «к теще на блины», где их величали, обыгрывали песнями. В Рамонском районе родители с хлебом-солью благословляли молодых, те на коленях кланялись по три раза отцу и матери.

С обычаями брачной и молодежной тематики была связана особая хлебная выпечка – *орехи*, которые на улице молодая жена раздавала детям, а девушки дарили своим женихам.

В юго-западных районах области встречается обряд *привешивать (тягать, привязывать) колодку*, смысл которого – порицание молодых людей, достигнувших брачного возраста и не вступивших в брак. Колодки вешали на шею парням, которые еще не женились, а они должны были откупиться.

Другие обрядовые действия на Масленицу соотносятся с аграрной и скотоводческой деятельностью человека. К ним относятся всевозможные катания: с гор на салазках, ледянках; на украшенных лошадях по селу и вокруг села; на быках; на специально сделанных качелях. В праздничных катаниях принимали участие разные по составу группы: на лошадях в санях отдельно катались девушки, молодые пары; в катаниях с гор, кроме указанных групп, участвовали дети. Катание на качелях связывается исследователями с земледельческим культом: высота взлёта на качелях и прыжков на доске должна послужить символом мощного роста растений и вызвать этот рост: «в этом следует видеть попытку человека заставить воздух служить его целям – магический символ господства человека над царством воздуха».<sup>9</sup> Катания в отдельных случаях сопровождались пением хороводных песен: «У нас по морю», «Полоса моя полосынька» (с. Татарино Каменский р-н).

С крестьянским земледельческим трудом связаны обычаи *валяния* в снегу молодежи: «*Ребята в снег наволют, мала куча наволится, человек десять на одну – ну она и лежит в снегу, будто мертвая*». Валяли и тех, кто был женат первый год – *в снегу обкатывали*.

В Воронежской области на масленичной неделе были широко распространены кулачные бои. Этнографы связывают их с днями поминовения умерших. Обычно *кулачки* начинались с четверга, дрались «село на село, молодые и старые».

В последний день Масленицы устраивали *проводы*, которые в большинстве сел связывались с изготовлением чучела и последующим его уничтожением – его сжигали, *раструсивали*. Чучело делали в виде соломенной бабы, реже лепили из снега, или заменяли его соломенным снопом (Репьёвский р-н). Иногда чучело возили по селу, при этом бросали в него яйца.

Кроме сжигания чучела, в последний день зажигали факелы, разводили костры: «*пурину жгли, чтобы были богатыми*». «Масленичные костры заключают в себе сразу несколько смысловых планов: это и проводы Масленицы как календарного периода, и один из способов уничтожения мифологических персонажей, старых, ненужных вещей и выпроваживание духов предков, всю масленичную неделю незримо присутствовавших в мире людей».<sup>10</sup>

В некоторых сёлах упоминали об обычае ряженья на Масленицу (в Эртильском, Рамонском районах). Как предполагает В.К. Соколова, обряд ряженья на Масленицу

---

<sup>8</sup> там же. – С. 230.

<sup>9</sup> Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. – М., 1991. – С. 380.

<sup>10</sup> Пашина О.А. Календарно-песенный цикл у восточных славян. – М., 1998. – С. 228.

имеет более позднее происхождение.<sup>11</sup> Скорее всего, этот обычай был перенесён со Святка, и не является характерным для Масленицы. Вероятно, рядились на Масленицу, чтобы тем самым усилить всеобщее веселье, царившее во время этого праздника.

В последний день Масленицы – прощёное воскресенье просили прощения не только у своих самых близких родственников, но и у всех сельчан, которых могли встретить в этот день. Молодые ходили «на поклон» к родителям. В этот день ходили на кладбище «к родителям», просили прощения.

Следующий за Масленицей понедельник – «шаловой» или «тужики»: «нету ничего – ни блинов, ни масла уже, квасок да картошечка».

Независимо от календарных сроков, именно после проводов Масленицы наступал **весенний период** крестьянского годового цикла. Многие праздники народного весеннего календаря соединились с христианскими церковными праздниками. Церковный календарь этого времени не однороден: он включает как закреплённые даты (например, день св. Евдокии – 1/14 марта, день Сорока мучеников – 9/22 марта, день св. Егория – 23 апреля/6 мая и др.), так и передвижные (Средокрестие, Пасха, Радуница и пр.), варьирующие даты в пределах месяца.

Большинство праздников ранневесеннего периода приходится на время проведения христианского поста. Идея, вкладывавшаяся в пост – очищение от грехов посредством воздержания и покаяния – соотносились в какой-то степени с древними представлениями крестьян-земледельцев. Великий пост – самый продолжительный из всех многодневных постов, он длится семь недель. Первые шесть недель имеют каноническое название: «святая четырёхдесятница». Седьмая, последняя неделя – Великая, отсюда и название Поста. Человек должен быть чистым не только физически, но и духовно. Нужно было проводить как можно больше времени в молитвах, поэтому существовали самые строгие запреты на какие-либо увеселительные действия, тяжёлую работу. Как отмечают жители сел: «*Ва время Паста песин не пели, только малёбные*» (Таловский р-н).

Обряды, совершавшиеся в этот период, были глубоко осмыслены и отмечены магией продуцирующего и очистительного свойства, должны были воздействовать на улучшение будущего урожая, здоровья и благополучия людей.

Один из первых праздников ранневесеннего периода был связан с осознанием прихода весны. В восточно-славянском календарном цикле не существует строго закреплённой даты празднования Встречи весны, что, в первую очередь связано с природно-климатическими условиями. «Период весеннего пробуждения природы (и соответственно, начало полевых работ) имел на Руси разные даты, с чем связан переходный характер весенних праздников».<sup>12</sup> Обряд встречи весны совершался в разные дни весеннего календаря. Еще И. Снегирёв в своей работе писал о том, что «встреча и окликание весны приходится, смотря по климату и местности, в разное время и делается различным способом»<sup>13</sup>.

В Воронежской области, *встреча весны* чаще всего связывается с праздником **Сороки** (22 марта). Общеизвестно, что повсюду наступление весны связывалось с прилётом птиц. Для ускорения этого события, обычно исполнялись специальные «заклички» весны, в которых призывался прилет птиц – чаще всего *жаворонков*. Обычно «зазывали» весну дети:

Кулики-жаворонушки,  
Летите у в одонушки,  
Пашаничку клевать,  
Куколь выбирать.

с. Осетровка Верхнемамонского р-на

Чувиль, чувиль жаворонок,  
И с сохой, с бороной,  
И с кобылой вороной,  
Зима от нас, а весна к нам».

с. Никольское-1 Панинского р-на

<sup>11</sup> Соколова В.К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев, белорусов. - М., 1979. – С. 11.

<sup>12</sup> Земцовский И. Мелодика календарных песен. – Л., 1975. – С. 77.

<sup>13</sup> Снегирёв И. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. Т.1. - М., 1837-1839. – С. 12.

В других закличках звучали заклятья на будущий урожай:

Солнышко – ведрышко,

Выгляни в окошко.

Солнышко, нарядись,

Красное, покажись!

Пошли нам, Господи,

Теплого лета,

Урожайного года

И побольше света!

с. Колодезное Каширского р-на

Весна-красна,

Приходи, красна,

Штобы была богатая,

И мы не голодали.

с. Россошки Репьёвского р-на

Самым распространенным обрядом встречи весны было выпекание «жаворонков» – обрядового печенья в форме птичек. Пекли *жаворонков* из пресного или кислого теста, разрисовывали их, давали детям. С выпеченными жаворонками обязательно совершались магические действия – их подбрасывали вверх, залезали с ними на забор, на скирды, сажали в закроем.

Нередко в селах существовал обычай гадания с использованием обрядовой выпечки. Так, на Сороки в *жаворонков* запекали монетку, кому она доставалась – тому быть счастливым.

Также, как и в течение всего аграрного цикла, в обрядовых действиях весенних праздников прослеживаются элементы, относящиеся к почитанию предков. Уже сама форма обрядовой выпечки – в виде птиц, в мифологическом сознании воспринимаемых вестниками «с того света», связывает эти обряды с культом предков.

О том, что обрядовый хлеб предназначался предкам, свидетельствует места, куда он помещался, «как правило, это такие места, где возможен контакт с «тем» светом»<sup>14</sup>: клали на крышу сарая, чтобы к ним прилетали настоящие жаворонки, влезали с ними на солому, кидали через скирды, залезали на деревья, относили на гумно.

Важным было и то, кому оставляли этот хлеб: скоту, Богу, первому встречному, детям. В с. Петино Хохольского района пекли сорок жаворонков и все надо было раздать прохожим людям.

Постоянную дату в календаре имеет и праздник **Благовещенья** (7 апреля) – один из главных христианских праздников, особо почитаемых народом. Несмотря на христианское происхождение, в народных обычаях этого дня проявляются действия, не связанные с церковными традициями. Выпеченные и освященные в церкви просвирки использовались для гадания о будущем благополучии: считалось, что запеченная в тесте монетка указывала на счастливую судьбу. В другом случае доставшаяся монетка давала право первому начинать весенний сев.

Как говорят старики, в этот день нельзя делать никакой большой работы, а также говорить плохих слов. Строгость этого праздника выражалась в словах: «*На Благовещенье ворон гнезда не совьёт, а девка косу не плетёт*».

На **Средокрестье** Пост, как говорили в народе, «*переламывался пополам*». Как и везде на восточно-славянской территории, в воронежских селах пекли специальные обрядовые печенья в форме креста. Они выполняли обереговую функцию: их клали в зерно, хранили их до будущего урожая. Когда выезжали сеять, закапывали их в поле: «*Приезжают, развязывают мешок, вынают этот крест, ва-первых, памолюттца. Ево паложат, закапают, начанают рассявать этими семенами*» (Таловский район). Был обычай использовать кресты для гадания – кому попадет запеченная в тесто монетка, будет счастливым.

**Вербное воскресенье** отмечалось освящением в церкви веточек вербы, которую потом долго хранили и использовали в качестве оберега. Основным ритуалом этого праздника было «*хлестание*» вербой всех членов семьи. Считалось, что это придавало

<sup>14</sup> Пашина О.А. Календарно-песенный цикл у восточных славян. – М., 1998. – С. 27.



здоровья, очищало духовно и предохраняло от болезней. Во время «хлыстания» приговаривали:

*«Верба хлѣст, бей да слѣз.  
Первая – на счастье,  
Втарой - на причастье,  
Третья – на здаровье»* (с. Нижняя Ведуга Семилукского р-на).

*«Верба хлѣст – бей да слѣз.  
Вербай крясти – больше расти.  
Ню мирай, даждидай краснава яичка»* (с. Россошки Репьѣвского р-на).

Другим способом использования веток был обычай класть их под ноги и людям, и скотине. Обязательным было и хлестание освященной вербой домашнего скота с целью предупредить его болезни.

Почитание умерших предков в этот праздник выражалось в посещении кладбища, чтобы поставить вербы на могилы.

Освященные на Вербное воскресенье ветки использовались и во время других ритуальных практик: во время первого выгона скота: *«кагда начинался выгон скота, асвещённой вербай нужна была десить раз правадить скатину в стада»* (Семилукский р-н); осенью, когда складывают урожай на хранение, эту вербу клали в закрома: *«вроде мыши не роютъ»* (Таловский р-н).

Завершающая пост Страстная неделя была особым временем для крестьян. Все совершаемые действия соотносились с христианскими традициями, требующими в это время особо строгого соблюдения поста и достойной подготовки к главному христианскому празднику – Пасхе.

В Страстной четверг, называемый «чистым», совершались обряды очищающей магии. Самым распространённым обычаем было очищение водой – умывание, обливание, купание. *«В Чистый четверг купались в реке ат всякай нечести. Купались рана, пака варона сваих детей не выкупала»* (Семилукский р-н). Нужно было искупаться всем членам семьи, убрать в доме, постирать, а также помыть скотину.

В этот день начинали готовить кушанья к Пасхе – красили яйца, резали кур и свиней. Сало зарезанных в Чистый четверг свиней считалось целебным, оно долго не портилось – его использовали при лечении.

Праздник **Пасхи** характеризуется прежде всего общим для восточнославянских традиций обычаем освящения в церкви куличей и крашеных яиц, сбором родственников за общей трапезой, поминовением умерших родственников.

Одним их обрядов, совершавшихся в этот день, был обход дворов, который перекликается с традицией обходных обрядов на Святки, Троицу. По дворам ходили дети, поздравляли с праздником: «Христос Воскресе!», после чего хозяева одаривали их яйцами. В других случаях обход дворов совершал священник, он обязательно исполнял в каждом доме пасхальный тропарь и также получал вознаграждение.

Считалось, что внешний, природный мир на Пасху тоже приходил в праздничное состояние, поэтому сложился обычай во время рассвета «караулить солнце», которое играет разными цветами.

Уникальный для воронежских сел обычай был зафиксирован в Павловском районе. Здесь он получил название «водить кобылу»: *«На четвертый день пасхальной недели «водили кобылу». На палке делали голову, привязывали хвост, накрывали веретьем. Сверху на эту лошадь садились желающие покататься. Мужчина наряжался цыганом и водил эту кобылу по улице. Когда кобыла падала, тогда цыган “грыз” ей ухо и она вставала»*. Сходные ритуальные действия совершались в других селах области на праздник Троицы.

Пасхальные праздники насыщены обрядовыми действиями, связанными с поминовением предков. Еще до Пасхи делали уборку и обновление могил. В сам праздник

ходили на кладбище, на могилах катали яйца, потом раздавали их детям, знакомым. Вероятно, что обычай посещения кладбища был перенесен на Пасху с других, специально предназначенных для этого дней. Старейшие жители указывают, что раньше «на Пасху не ходили на кладбище», главным поминальным днем считался девятый день (вторник на Фоминой неделе) – *Радоница*.

Пасхальные праздники разграничивали весенний календарь на ранневесенний и весеннелетний периоды. Дифференциация по периодам прослеживается не только по набору совершаемых ритуальных действий, но и по составу песенных жанров, включенных в обряды. Репертуар ранневесеннего периода представлен песнями-закличками весны и птиц, которые сохранились в воронежском крае в форме приговоров. При подготовке к первым полевым работам исполнялись специальные обрядовые песни, призванные воздействовать на благополучие урожая магией звука. Например, в с. Русская Тростянка Острогожского района женщины ранней весной выходили смотреть, освободились ли поля от снега, при этом исполняли обрядовую песню «А мы в поле ездили», имитируя при этом действия, о которых пели. Зафиксированы единичные факты исполнения специальных «постовых» песен в момент катаний на «релях» (качелях): в с. Татарино Каменского района пели «Мимо леса» и «Во девушки щёки алые». Наиболее распространенным музыкальным жанром, сопровождающим этот период, были духовные стихи (например, «Жили два брата» с. Татарино Каменского р-на), призванные создавать особое душевное состояние, соответствующее идее христианского Поста.

Уже с Пасхи начиналось вождение хороводов, катание на качелях – эти действия должны были воздействовать на природные силы с целью улучшения будущего урожая. Период от Пасхи до Троицы характеризуется общностью песенного репертуара, представленного в основном жанром хороводных песен. Необрядовые по форме песни, оформлявшие этот период, имели приуроченность только к сезону в границах Пасха – Троица и функционально замещали собой календарно-обрядовый фольклор.

Цикл всех послепасхальных праздников оформлялся сходными по содержанию и направленности обрядами.

**Красная горка** – первое воскресенье после Пасхи, считалось девичьим праздником. Повсеместно в этот день девки собирались на улице, или в чьем-либо доме, вскладчину приносили продукты. Основным обрядовым кушаньем была яичница.

Во многих селах совершались поминальные обряды: ходили на кладбище, катали яйца на могилах. Мужчины, в других случаях дети, выстраивали небольшие горки из подручных средств и скатывали с них крашеные яйца.

В материалах экспедиций по Богучарскому району есть сведения о том, что на Красную горку по улице ходили ряженые, «водили козла».

В Новохопёрском районе на Красную горку мужчин провожали в поле «*тар пахать*», а женщины оставались «*курку молить*». Содержание этого обряда заключалось в совместной трапезе, участниками которой были только женщины.

День **Жен мироносиц** (*жёномироносье*) представлялся в народе женским праздником. Обрядовое наполнение этого праздника в воронежских селах незначительно. Основным действием была женская обрядовая трапеза, главным блюдом которой была яичница. Ходили гулять в сады и по улице.

Среди весенних народных праздников важное место занимал **Егорьев день**. Егорий в народном сознании был одним из главных святых, и его день особенно чтили. Считалось, что Святой Георгий был покровителем диких зверей и хранителем домашнего скота. Обряды, совершавшиеся в этот день были направлены на оберег скота и усиление плодородия.

Возможно, празднование Егория, было связано с каким-то языческим праздником весны, когда природа просыпалась от зимней спячки. «Егорий весенний как бы открывал

период сельскохозяйственной страды, начало полевых работ».<sup>15</sup> Именно с Егория в воронежских селах начинался новый сезон хозяйственных работ в огороде.

Первый выгон скотины в поле не связывался с Егорьевым днем, он совершался в соответствии с реальным состоянием природы весной. Тем не менее, на Егория осуществляли ритуальный выгон скота освящённой веточкой вербы, хранившейся от праздника Вербного воскресенья. Этот обряд сохранился по всей Воронежской области. Скотину стегали вербой с приговорами:

*«Верба хлѣст бей да слѣз,*

*Да краснае яичка, да бела малачко»* (с. Козловка Бутурлиновский р-н).

Праздник Егория отмечен особым почитанием сельских пастухов. Пастухи совершали на Егория обходы дворов, а хозяева, в свою очередь старались одарить их. Дары эти имели магическое значение – они включали традиционные обрядовые кушанья: яйцо, хлеб, пироги, кроме того, сало, масло, молоко и пр. Вечером пастухи устраивали застолье и съедали все, что было собрано. В Семилукском районе всей деревней устраивали стол, на который собирали яйца, хлеб, соль. Тот, кто будет стеречь коров, всё это забирает.

Как считают исследователи, Егорьев день – одно из основных звеньев, на которые распался некогда, очевидно, единый весенний аграрно-магический обрядовый комплекс, некоторые элементы которого он сохранил. Образ Георгия в народном сознании приобрёл пастушеские черты, и это обусловило отбор обрядов преимущественно скотоводческих.

В Рамонском и Грибановском районах обрядовая пища Егорьева дня имела ярко выраженный характер жертвоприношения: жители села шли в лес *«чтобы волк скатину не трогал, несли кусочек хлеба и мяса, всё это клали на дубок»*. В Таловском районе с этой же целью посыпанный солью хлеб укладывали на ворота.

В.К. Соколова в работе «Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов»<sup>16</sup> указывает на то, что в Бирючском уезде (бывший уезд Воронежской губернии) в начале XIX в. Егорьев день отмечался как конский праздник. Все мужчины приезжали в этот день в церковь на белых и серых лошадях. После молебна священник окроплял лошадей и мешки с овсом, затем каждый крестьянин подводил свою лошадь к купели, поил ее святой водой, кормил освященным овсом, а затем возвращался домой, где начиналось веселье. В Рамонском районе Егорьев день и до настоящего времени считают лошадиным праздником.

Между Пасхой и Троицей (на 25-й день после Пасхи) отмечался праздник **Преполование**. Еще в XIX веке этнографы отмечали, что праздник Преполования принадлежит к числу тех, истинное значение которых почти совершенно непонятно для народа. Крестьянин по-своему интерпретировал церковные положения и символы, приурочил к празднику те действия, которые, с его точки зрения, должны были способствовать росту трав и хлебов, здоровью людей и скота.

В воронежском крае зафиксировано несколько сходных по смыслу обрядов, совершаемых в этот день. В Эртильском районе, на Преполование *встречали весну – ходили в церковь, девушки опахивались: сохой делают круг в земле, а в нём крест. Это делают на планту* (т.е. на улице)». По-видимому, происхождение этого обряда уходит во времена язычества: во-первых, в древности земледелие было женским делом. Во-вторых, здесь прослеживается связь с обрядами по определенному случаю, к примеру, способствующими избавлению от какого-либо бедствия: эпидемии, засухи, когда женщины обходили ночью вокруг селения или поражённых полей (или «опахивали», волоча соху). Даты проведения такого рода обряда самые разные. «Древние обходы,

<sup>15</sup> Шаповалова Г.Г. Егорьевский цикл весенних календарных обрядов у славянских народов и связанный с ним фольклор./ Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор. – Л., 1974. – С. 125.

<sup>16</sup> Соколова В.К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. – М., 1979. – С. 163.

возможно восходят к дням инициаций, преследуя создать абсолютную «ритуальную чистоту» в эти ответственные моменты жизни».<sup>17</sup>

Другие действия на Преполовение также обнаруживают связь с окказиональными обрядами. В этот день «молили курку: собирались бабы, ходили по плану с гармоникой. Женщины наряжались в кокошники. Еду готовила одна женщина» (с. Ростошь Эртильский р-н). Подобные действия отмечались на Красную горку в Новохоперском районе. Эти описания имеют сходство с описанным в работе Д.К. Зеленина обрядом *троецыплатница*,<sup>18</sup> распространенным в XIX в северных и центральных губерниях России.

Праздник **Вознесения** отмечается на 40-й день после Пасхи. Этот праздник относится к числу двенадцатых церковных праздников, поэтому и в народной традиции проявляются элементы церковной обрядности. В этот день в разных селах после церковной службы совершались выходы в поле *со святостью*. В поле молили о хорошем урожае, о дожде, устраивали трапезу.

По словам В.А. Проппа «крестьяне переиначивают и толкуют церковные учения на свой земледельческий лад»,<sup>19</sup> так к Вознесению народ приурочил те действия, которые должны были способствовать росту посевов, увеличению урожая. Аграрным смыслом наполнены обычаи выпечки обрядового хлеба: оладьев, блинов, испеченных из теста «лесенок». *Лесенки* обычно имели продолговатую форму с выложенными из теста перекладинами. Выпечку такого печенья связывают с евангельским мифом: лесенки пекли для того, чтобы воскресшему Христу облегчить вознесение на небо.

Вознесение находится на рубеже пасхального и троичского периода календаря, поэтому обычаи этого праздника включают в себя элементы троичской обрядности: кумление, завивание венков (Таловский р-н).

**Троица** занимает главное место в цикле весенне-летних праздников, она маркирует границы сезонов весна / лето. «Троицкий обрядовый комплекс в большинстве случаев осознаётся как пограничный между весной и летом, так как он приходится на пик расцвета природы».<sup>20</sup> Дата проведения Троицы зависит от сроков Пасхи (на пятидесятый день). Другое название праздника – Семик (т.к. приходится на седьмую неделю от Пасхи). В христианской традиции праздник имеет другие названия: Святой пятидесятницы, или Сошествие Святого Духа. Праздник совершается в честь прославления Святой Троицы и в память сошествия Святого Духа на апостолов. Праздник Троицы с незапамятных времён является одним из самых больших и любимых праздников, с этим днём связано много народных обычаев и обрядов.

Общая продолжительность семицко-троицких обрядов в воронежских селах составляла примерно полторы недели (вместе с русальной неделей, следующей за Троицей). Собственно праздничными днями Троицы считались воскресенье, понедельник, вторник. В некоторых селах Троицу называли «*Венки*» (с. Верхняя Хава Верхнехавский район), «*Веношник*» (с. Пчелиновка Бобровский район).

Троицкий обрядовый комплекс в Воронежской области включает различные ритуальные действия:

- украшение домов травой, цветами, ветвями берёз, клёна;
- завивание венков;
- поминовение предков;
- кумление;

<sup>17</sup> Власов В.Г. Формирование календаря славян. Ранний период. //Календарь в культуре народов мира. – М., 1993. – С. 116.

<sup>18</sup> Зеленин Д.К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1901 – 1913. – М., 1994. – С. 111.

<sup>19</sup> Пропп В.А. Русские аграрные праздники. – СПб., 1995. – С. 39

<sup>20</sup> Пашина О.А. Календарно-песенный цикл у восточных славян. – М., 199. – С. 56.

- гадания;
- ритуальная трапеза;
- обрядовые игрища;
- кулачные бои.

Значительная часть троицкой обрядности связана с культом растительности. На Троицу украшали зеленью дома и дворы, снаружи и внутри. Основным растительным материалом на Троицу были ветви берёз. Берёзка – одно из первых распускающих листву деревьев, отсюда возникает представление, будто именно берёзка обладает особенной силой роста. «Средоточием этой силы считаются верхушки и ветки: от них идёт рост и сила. Эту силу надо использовать».<sup>21</sup> Именно поэтому дома украшали ветками деревьев – чтобы обеспечить крестьянскому хозяйству урожай, принести здоровье живущим в доме и домашнему скоту, предохранить от всего нечистого, вредоносного. В этом же качестве использовали ветки клёна, ясеня, различные травы.

Нередко троицкая зелень использовалась в значении оберега. Она оставалась в доме три дня, потом высушивали ее и использовали для лечения: «*эту травку сабирали в какой-та мишочик и хранили год, ана была ат какова-та призора* (от болезни)» (Таловский р-н). В других случаях высушенную траву клали в гроб и подушку покойника, или отдавали скотине. «Видимо, это один из древнейших обрядов апотропеической, предохранительной и, может быть, карпогонической магии, связанной с зелёным праздником – почитанием растительности»<sup>22</sup>.

Одним из распространенных троицко-семицких обрядов было *завивание венков*. В нем участвовали незамужние девушки и молодые женщины, допускались также и девочки, начиная примерно с десяти лет. Под обычаем *завивать венки* подразумеваются разные действия: связывание ветвей на деревьях в лесу, плетение венков из травы и веток, завивание венков на ржаном поле; другое содержание – это «*вянки завивали, значит гулять по сялу*» (Острогжский р-н), «*венки завивать – складать яйца, хадили в лес и песни пели*» (Лискинский р-н). Венки завивали на первый день Троицы, а на третий день – развивали. В отдельных сёлах области в завивании венков участвовали и парни (Воробьёвский р-н).

Девушки на Троицу устраивали гадания на венках. Их бросали в воду, иногда с приговором: «*Пльви мой венюк на тот бережок, кто паймая мой венюк, тот будя женишюк*», и смотрели, если венюк утонул – это означало несчастье в судьбе, а если плавал – благополучную жизнь.

В прошлом в воронежских селах повсеместно на Троицу совершался обряд кумления. По словам В.К. Соколовой, обряд кумления восходит «к обрядам родового общества». «Возможно этот обряд, когда-то был центральным элементом календаря, с его девичьими союзами, трактуемыми обычно как половозрастные группы, готовящимися к инициации. <...>По своей тайности он сопоставим с обрядом опахивания и святочными гаданиями».<sup>23</sup> Покумившиеся девушки считались родственницами и дружили всю жизнь.

Действо кумления обычно совершалось по-разному. Девушки целовались между сплетенными венками: «*Цалуются и гаварят: кумушка-кума, разудаля галава*» (Семилукский р-н), «*кленки завивали, там и кумились: кума, кума, кумися, целый век не бранися*». В Верхнемамонском районе девушки в сад приносили рушники, связывали концы рушников, и через них целовались.

Также кумление происходило посредством обмена между подругами какой-нибудь вещью «*минялись манистами с крестиками*», одеждой, иногда обменивались принесенными яйцами.

<sup>21</sup> Пропп В.А. Русские аграрные праздники. – С-Пб., 1995. – С. 69.

<sup>22</sup> Соколова В.К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. – М., 1979. – С. 190.

<sup>23</sup> Власов В.Г. Формирование календаря славян. Ранний период / Календарь в культуре народов мира. М., 1993. – С. 117.

Другая форма этого обряда – кумление во время совместной трапезы. Принесённые продукты (блины, яйца) делили на всех, обязательно делали «кашник» – пшённая каша (Верхнехавский р-н).

Одна из функций кумления заключалась в том, что установить особые отношения между членами единой половозрастной группы. Иногда во время кумления отсутствует противопоставление по половому признаку, в некоторых сёлах в обрядах принимали участие не только девушки, но и парни. В работе В.К. Соколовой тоже есть сведения об этом: «в с. Большая Верейка в заключение гулянья и угощения в саду также кумились парень с девушкой – целовались через арку, сделанную из древесных ветвей».<sup>24</sup>

После совершения обряда обязательно раскумливались – на второй или третий день, иногда через неделю.

Во время обряда кумления звучали песни. До сегодняшнего дня сохранились лишь единичные образцы (с. Гороховка Верхнемамонского района «Ой кумушки, вы голубушки, кумитесь – голубитесь»).

В праздничной троицкой трапезе обязательным ритуальным блюдом была яичница. Девушки собирались в лесу или у реки, устраивали вскладчину общий стол. Как видно, яйцо, начиная с Пасхи, проходит через всю весеннюю обрядность, являясь атрибутом аграрной магии. Оно появлялось как символ зарождения новой жизни, а когда весна кончалась, его поедали уже в виде яичницы. Яйца и каша выполняли и функцию поминального кушанья.

Как и во время других аграрных праздников, в этот период большое значение имели обряды поминовения умерших. «Как и любой переходный между сезонами период, то есть кризисный период в жизни природы, это время характеризуется размыканием границы между двумя мирами и, как следствие, появлением душ умерших на земле, вступлением их в контакт с живущими».<sup>25</sup> В троицкие праздники особо поминали людей, умерших неестественной смертью – утопленников, самоубийц, которых раньше хоронили на отдельных кладбищах. Повсеместно был распространён обычай приносить еду на кладбище, где трапезничали. Так же сохранилась традиция приносить умершим не только еду, но и основные атрибуты праздника Троицы: берёзовые венки, кленовые ветки.

Праздник Троицы, как и любой другой, не обходился без гуляний и игр: *собирались на гулюшки, ходили курагодами, водили круги, пели песни, плясали под гармонь, балалайку. На Троицу одевались в нарядную праздничную одежду, на голову плели венки из цветов и травы. Специально к празднику за селом устанавливали качели и карусели, молодежь играла в игры.*

В некоторых селах зафиксирован обычай ряжения на Троицу. В с. Бабка Павловского района рядились в «пана и паночку» (наряжали мужчину и женщину). На женщину одевали много юбок – «как колокол». Ряженные персонажи и все жители села шествовали к реке, при этом играли на лопате, косе, гармошке и пели: «*Пан паницу ведёт, за паницей пан идёт, Прошла Троица святая, невесёлая такая.*»

Элементы основных обрядов годового цикла повторяются и во время Троицы: кулачные бои, зажигание костров, обливание водой. В своём традиционном варианте семицко-троицкий цикл как бы повторял Святки и включал множество обычаев и обрядов, типичных для начала новых календарных периодов, связанных с зимним и летним солнцеворотами (гадания, ряжения, поминовение умерших).

Следующая за Троицей неделя называлась **русальскою**. Это было особое время, когда следовало опасаться и оберегаться воздействия нечистой силы. На этой неделе изгоняли, «проводжали» русалок. Существуют различные поверья о русалках, которые на Троицу выходят из воды и бегают по полям и лесам, качаются на ветвях деревьев и набрасываются на встречных, могут защекотать до смерти. По народным представлениям

<sup>24</sup> Соколова В.К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. – М., 1979. – С. 197.

<sup>25</sup> Пашина О.А. Календарно-песенный цикл у восточных славян. – М., 1998. – С. 57.

русалки – утонувшие девушки или души детей, умерших некрещёными. Чаще всего к русалкам относятся как к существам, вредящим человеку, которых надо остерегаться. От них старались избавиться, а для этого их надо было изгнать. Нередко русалок сравнивают с ведьмами. В работе В.К. Соколовой приведён пример: «жители г. Павловска говорили о бытовавшем у них поверье: на Троицкой неделе ходят русалки в белых рубашках с распущенными волосами и пугают людей; кого испугают, у того будет лихорадка».<sup>26</sup>

Обряды «вождения русалки» или «проводов русалки», совершались в конце русальной недели. В воронежской обрядовой традиции русалка персонифицируется либо в виде специально изготовленной куклы – с антропоморфными или зооморфным признаками, либо как ряженая участница обряда.

Местные обряды проводов русалок схожи с обрядами других регионов – русалку всегда провожали в рожь. В с. Ступино Рамонского района девушки делали куклу из соломы, травы, несли в рожь и там раскидывали. «По народным представлениям русалки должны были способствовать лучшему урожаю, это видно из того, что провожали её в ржаное поле, да и саму русалку делали из соломы или ржаного снопа».<sup>27</sup>

В с. Каверье Семилукского района набивали чучело соломой, наряжали в виде женщины, клали на палки, несли в рожь, в пшеницу. Там над ним голосили, как по покойнику: «*Ой, милая детушка, горько-горькою я осталась одна, я на тебя надеялась, а ты умерла*», потом трепали его и хоронили. Смерть русалки на поле не что иное, как моление о дожде, так необходимом в летнее время для созревания урожая. Известно, что первоначально образы русалок-берегинь связывали с водными стихиями. В ходе эволюции эти божества постепенно превратились из покровительниц в подательниц влаги на землю. По словам Б. А. Рыбакова «русалии являются общеславянским аграрным праздником, связанным с плодородием полей, молении о дожде и рождении новых колосьев».<sup>28</sup>

В Лискинском районе русалкой наряжали женщину: «*ат Троицы ниделя прайде, женщину наряжали в русалку – лахматыи юбки, рваньё аденуть, сажей намазывали, платком накроють. Косы вазьмутъ, стучать, идут на сялу, песни играютъ*».

Яркий персонаж воронежской русальской обрядности – русалка-лошадь. Такой обряд бытовал в с. Оськино Хохольского района. Подробный анализ «вождения русалки» сделан в работе Т.А. Крюковой.<sup>29</sup> Руководителями проводов были старики, специалисты-«русальщики», они делали коня и во время процессии вели его, один из них был «вожак», для которого специально изготавливали глиняную маску. Сопровождали такую процессию женщины, которые при этом исполняли специальную песню «В лелей холоду». Во время «вождения русалки» разыгрывались весёлые сценки, конь-русалка плясала, бросалась на людей, как бы давя их, и т. п., кончалось же всё её смертью: конь-русалка валился на бок и поднимал вверх ноги, а народ разрушал его, растаскивал всё в разные стороны, разбивал глиняную маску, деревянный же остов коня, вилы, на которых держалась голова, и узду сохраняли до будущего года».

Обряды с русалками входили в весенний праздник растительности и завершали его. Вместе с Семиком-Троицей они составляли единый обрядовый комплекс аграрного календаря, подчинившим себе символику предметов, действий, магии растительного плодородия, древних инициаций и соединивших в себе различные виды искусства.

Праздник **Иван Купала** приходится на период наивысшего расцвета природы, с ним связано начало созревания плодов, сбора трав, после него для земледельцев наступал самый важный момент их производственной деятельности – жатва.

<sup>26</sup> Соколова В.К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. – М., 1979. – С. 216.

<sup>27</sup> Соколова В.К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. – М., 1979. – С. 220.

<sup>28</sup> Рыбаков Б. А. Язычество древней Руси. – М., 1988. – С. 221.

<sup>29</sup> Крюкова Т.А. «Вождение русалки» в селе Оськино Воронежской области / Советская этнография №1. – М., 1947. С.

В селах Воронежской области, как и на большей территории русской традиции, ритуальные действия этого праздника не имеют массового характера и по объему уступают троицкой обрядности.

В целом, выделились следующие ритуальные компоненты купальского праздника:

- обливание водой
- купание в реке;
- моление о дожде;
- разжигание костров;
- плетение венков и гадания.

Магическая символика воды наиболее ярко выражена в Иванов день. Дождевая вода в это время считалась целебной, ею умывались и обливались «чтобы было здоровье». Другой мотив обливания водой – вызывание дождя. Чаще отмечается, что «обливали всех водой парни», в чем исследователи видят проявление мужского оплодотворяющего начала, призванного воздействовать на землю.<sup>30</sup> Обычай купания в реке в этот день также связан с желанием вызвать дождь.

С этой же целью совершали выходы в поле, где устраивали молебны. Ритуальные действия для вызывания дождя могли производить и во время других летних праздников.

Особое значение во время празднования Ивана Купала принадлежало культу растительности. Считалось, что все растения в ивановскую ночь наделены чудесными свойствами, а собранные травы обладают целебной силой. Именно поэтому днём или вечером повсюду ходили в лес собирать травы: зверобой, полынь, душицу, цикорий, мяту и др. Было поверье, что «*надо собрать двенадцать разных лечебных трав*» (Рамонский р-н).

Во многих селах бытуют легенды о чудесном цветении папоротника в купальскую ночь: «*Один раз в год в эту ночь цвёл папоротник. А папоротник – это колдун, он всё предсказывает. В двенадцать часов ночи он один раз засияет огнём, а потом потухает*» (Таловский р-н).

В центральных, а более всего – в южных районах Воронежской области в этот праздник существовал обычай разжигания костров. Костры разводили у реки или другого источника воды, молодежь прыгала через огонь.

Так же, как и на Троицу, в купальские праздники был распространен обычай гадания по венкам. Сплетенные из трав и цветов венки во время праздника носили на голове, потом бросали их на воду, при этом приговаривали:

*«Плыви, плыви венок, в тот уголок  
Где живет мой милый дружок».*

В других случаях купальские венки высушивали и использовали для защиты собранного урожая: «*клали в подвал, чтобы картошка не портилась*», одевали на капусту, чтобы лучше росла.

**Период жатвы** является важнейшим в народном календаре. Сроки и продолжительность уборки зерновых культур зависели от конкретных погодных условий местности, а так как они не были приурочены к каким-либо календарным датам, жатвенный период мог сдвигаться во времени.

В воронежских селах уже с **Петрова дня** в ритуальные практики включаются элементы жатвенной обрядности. В этот день в церкви служили службы, «*шитоб харашо прашла жатва*», начинали пробовать хлеб нового урожая. Крестьяне выезжали в поля проверить их готовность к уборке: «*паабедають, тады запрягають лошадь и паехали в полю, абъяжжають все паля, какие сеили <...>. А на другой день тады уже косы атбивають, едуть – аткосы делают*».

---

<sup>30</sup> Власов В.Г. Формирование календаря славян. Ранний период // Календарь в культуре народов мира. – М., 1993. – С. 128.



Совершение в период жатвы обрядовых действий направлено на обеспечение урожая, защиты от вредоносных воздействий. В целом, жатвенный ритуальный комплекс в воронежской традиции представлен только обрядами, оформляющими завершение уборки урожая. В качестве главного атрибута этих обрядов выступает последний сноп. Последний сжатый сноп с особой торжественностью приносили с поля домой и берегли его до следующего урожая.

Наибольшее распространение в селах получил обычай оставлять последний сноп несжатым в поле: *«Илье на бороду, чтоб дал урожай хороший на следующий год»* (Нижедевицкий р-н), реже встречается вариант *«Кузьме на бороду»*. Форма этого снопа могла быть разной, в одних сёлах завязывали в узел, в других завивали в «скрутку» или связывали лентой, украшали платками. В Семилукском районе оставленные в поле колосья называли *«Илюшкина борода»*. В отдельных случаях после уборки хлеба, колосья, связанные пучком, оставляли на каждом углу поля.

Часто в последний сноп клали кусочки хлеба и сала: *«Хлеп и сала аставляли Богу, итоб дал следующий урожай»* (Хохольский р-н). Немолоченный сноп оставался в поле – *«птичкам»*.

Завершали жатву обычаями катания по полю с приговором – *«жнивка, жнивка, отдай мою силу»*. Подобные тексты произносили, одновременно перекидывая через себя грабли *«итобы сила вернулась»*.

Во время жатвенных работ обычно крестьянки одевались в специальную одежду – холстинную рубаху с длинными рукавами, шерстяную юбку. После уборки хлебов устраивался крестный ход, люди ходили в нарядных одеждах, пели.

С наступлением **осени** ритуальная жизнь в селах области замирала. Осенний период народного календаря в селах области представлен отдельными датами и приуроченными к ним обрядами. Самая ранняя из них – Семенов день (14 сентября). Чаще всего к этому дню был приурочен обряд «похорон» мух. Когда-то этот обряд совершался взрослыми женщинами, но со временем перешел в детский репертуар. Так в Семилукском районе дети закапывали мух, блох и причитали: *«Ни будуть лягать, ни бутуть на нас глядеть, ни будуть на зимле сидеть, ни будуть нас тревожить»*.

Осенью, освободившись от всех сельскохозяйственных работ, в селах устраивали посиделки. Они могли иметь как праздничный, так и будничный характер. Во время осенних праздников – Семёнова дня, Покрова (14 октября), под Дмитриев день (9 ноября) – на посиделках собиралась молодежь, плясали, пели под гармонь, балалайку. На будничные посиделки девки приносили с собой рукоделие – занимались прядением, вязанием, шитьем. На посиделки молодые собирались отдельно от пожилых. Женщины, собираясь у кого-нибудь в доме, устраивали складчину: приносили по куренку, блины, квас.

К сожалению, сведений о музыкальном фольклоре, сопровождающем жатвенный период и осенние праздники в селах Воронежской области, не сохранилось.

По экспедиционным материалам, собранным в селах Воронежской области, можно проследить типичные черты южнорусской традиционной культуры. Несмотря на более позднее освоение воронежских земель, по сравнению с другими восточнославянскими территориями, ритуалы крестьянских календарных праздников содержат уникальные черты архаики и языческой магии восточных славян.